

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

Стимулы для академических и прикладных исследований и формирование экономического сообщества

(Материалы круглого стола в рамках XIX Апрельской международной научной конференции НИУ ВШЭ)

Выбор траектории профессионального развития экономистами-исследователями и экономистами-аналитиками сегодня во многом определяется формальными критериями оценки результатов их активности финансирующими организациями. Такая формализованная оценка может исказить стимулы к изучению окружающей реальности и негативно влиять на формирование профессионального сообщества. Поэтому по инициативе Ассоциации независимых центров экономического анализа (АНЦЭА) в рамках Апрельской международной научной конференции НИУ ВШЭ (Москва, 10–13 апреля 2018 г.) был проведен круглый стол, на котором обсуждались эти и связанные с ними вопросы. Модератором выступил президент АНЦЭА А. А. Яковлев.

Ключевые слова: экономическая наука, публикационная активность, научный журнал.

JEL: A11, A14.

Участникам круглого стола были предложены следующие вопросы для обсуждения:

— насколько сильно проявляются в России эффекты смещения в фокусе экономических исследований, обусловленные стимулами к публикации результатов исследований в международных журналах;

Участники дискуссии: *Полтерович Виктор Меерович*, академик РАН, руководитель научного направления ЦЭМИ РАН, замдиректора Московской школы экономики МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва); *Заостровцев Андрей Павлович*, к. э. н., проф. департамента государственного администрирования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ; Санкт-Петербург), с. н. с. Международного центра социально-экономических исследований «Леонтьевский центр» (Санкт-Петербург); *Гурвич Евсей Томович*, к. ф.-м. н., руководитель Экономической экспертной группы, руководитель Центра бюджетного анализа и прогнозирования Научно-исследовательского финансового института (Москва); *Волкова Наталья Александровна*, к. э. н., профессор Российской экономической школы (РЭШ), директор по прикладным исследованиям ЦЭФИР (Москва); *Григорьев Леонид Маркович*, к. э. н., ординарный профессор, научный руководитель Департамента мировой экономики НИУ ВШЭ, главный советник руководителя Аналитического центра при Правительстве РФ (Москва); *Яковлев Андрей Александрович*, к. э. н., директор Института анализа предприятий и рынков НИУ ВШЭ, президент АНЦЭА (Москва).

- какие механизмы могут обеспечивать связь академических исследований с решением практических прикладных задач;
- в силу каких причин квалифицированные эксперты продолжают вести академические исследования, не имея для этого формальных стимулов;
- какие меры могут способствовать сближению российских исследований, идущих в русле мировой экономической науки и обсуждающих общемировые проблемы, и исследований, сфокусированных на проблемах российской трансформации, которые должны составлять самостоятельный и главный дискурс для российской экономической науки?

А. А. Яковлев. Мы с Евсеем Томовичем Гурвичем в АНЦЭА уже давно ведем дискуссии на тему, вынесенную в название этого круглого стола. Наш интерес объясняется потребностью в притоке молодых кадров в центры, входящие в АНЦЭА. Несколько лет назад мы даже учредили в рамках ассоциации премию «Новое поколение» — на нее могут быть номинированы эксперты в возрасте до 30 лет, которые без соавторов опубликовали в ведущих российских журналах статьи по анализу экономической политики. К сожалению, число номинантов на эту премию неуклонно сокращается. При этом многие из нас преподают в университетах, и мы видим, что число сильных студентов в целом не снижается. Чем тогда можно объяснить падение их интереса к прикладным исследованиям на российских данных и к публикациям в российских научных журналах?

По нашему мнению, одна из причин — акцент на публикациях в зарубежных журналах, который в последние годы был задан документами правительства («программа 5-100», механизмы оценки институтов РАН). Этой политики придерживаются ведущие университеты и научные центры при формировании внутренних механизмов оценки и стимулирования академической активности. В результате и состоявшиеся, и молодые исследователи, работающие в академической сфере, начинают ориентироваться в своей научной работе на темы, которые потенциально «проходимы» в международных журналах. Однако, по моей личной оценке, из общего перечня проблем, актуальных для современной российской экономики, в лучшем случае 10% могут вызывать интерес у авторитетных международных научных журналов (90% воспринимаются либо как уже решенные в большинстве стран, либо как специфические для конкретной страны). У нас возникает разрыв между набором проблем, актуальных для России и требующих качественной экономической экспертизы, и научной тематикой, к которой подталкивает исследователей-экономистов существующая система стимулов в ведущих университетах и в РАН.

Мы в АНЦЭА воспринимаем эту проблему в первую очередь с точки зрения воспроизводства кадров экспертов, способных вести прикладные и аналитические исследования. Но в более долгосрочной перспективе эта проблема актуальна и для академических исследований, поскольку наука теряет свои позиции в обществе, если перестает реагировать на его запросы. Надеюсь, что в рамках сегодняшней дискуссии мы сможем приблизиться к возможному решению этих проблем.

В. М. Полтерович. Тема моего выступления: «Идеология и наука в экспертных разработках». Но начну я с первого вопроса, сформулированного в программе нашего круглого стола. Думаю, что в России эффекты смещения в фокусе экономических исследований, обусловленные стимулами к публикации результатов исследований в международных журналах, проявляются очень

сильно. Статьи, посвященные актуальным для России проблемам, трудно публиковать в международных журналах, а в журналах высокого уровня — практически невозможно. Поэтому выпускники наших вузов, получившие работу в зарубежных университетах, почти не занимаются российской экономикой.

Еще один важный негативный эффект: стимулируя российских экономистов публиковаться за рубежом, прежде всего на Западе, мы обескровливаем российские журналы, лишаем их шансов получить высокий рейтинг, а это, в свою очередь, побуждает отечественных исследователей менять тематику и публиковаться в зарубежных изданиях. Получается порочный круг, своего рода институциональная ловушка. Я бы предложил платить высокие надбавки экономистам за первые две-три публикации в международных журналах высокого уровня, а при поощрении за последующие публикации не делать различий между зарубежными и «топовыми» отечественными журналами.

Относительно второго вопроса я бы сказал, что самый важный механизм — повышение требований к экспертным текстам. На мой взгляд, хорошая экспертиза должна опираться на экономическую теорию. Даже если законченной теории нет, эксперту необходимо привлечь теоретические соображения для обоснования своих выводов.

Эксперт должен быть достаточно образованным, чтобы использовать все три типа исследований, характерных для экономической науки. Во-первых, модельные разработки. Абстрактная теория позволяет исключить неэффективные варианты, хотя и не дает однозначных рекомендаций, так как ее выводы обычно зависят от труднопроверяемых предположений. Во-вторых, эконометрические исследования. Они помогают сформулировать правдоподобные гипотезы, но не окончательные заключения, так как результаты расчетов справедливы лишь «в среднем» по выборке, но не обязательно для каждого конкретного объекта. В-третьих, важно изучать опыт разных стран, включая собственную.

Часто говорят, что эксперты не могут следовать научным стандартам, потому что они должны учитывать расклад политических сил. Однако новая политическая экономия (*new political economy*) как раз и нацелена на решение этой задачи; в значительной мере она возникла из-за необходимости учитывать политические ограничения.

Мне кажется, что успешная академическая карьера экономиста на начальных стадиях — важный аргумент в пользу выбора его как эксперта. В развитых странах, по крайней мере отчасти, следуют этому рецепту. Например, председателями Экономического совета (*Council of economic advisers*) при президенте США были известные ученые Дж. Стиглиц и Г. Мэнкью, а его членами состояли Дж. Тобин, Х. Хаутэккер и М. Обстфелд. В 1990-е годы «профессиональные» эксперты МВФ советовали России проводить шоковую терапию, повлекшую катастрофический спад — 40% ВВП. А ряд нобелевских лауреатов — К. Эрроу, Л. Клейн, Дж. Тобин, которые, казалось бы, специально не занимались проблемами стран с переходной экономикой, поняли ошибочность этой политики и выразили свою точку зрения в письме российскому правительству, а также в сборнике статей, изданном сначала в России, а впоследствии и на Западе.

Третий вопрос, мне кажется, сформулирован не совсем точно. Участие в академических исследованиях дает возможность проводить экспертизу на более высоком уровне, поэтому я бы не говорил об отсутствии формальных стимулов в данном контексте. Более того, позиция в исследовательских институтах или университетах, наличие источников дохода и возможностей карьерного роста, не связанных с экспертной работой, способствуют неза-

висимости эксперта от явного или неявного давления со стороны заказчика, а также от доминирующей идеологии.

Какие меры могут способствовать сближению деятельности российских исследователей и экспертов? Я думаю, прежде всего отбор экспертов, требования к экспертизе, о которых я уже сказал, и меры по обеспечению ее независимости от «общепринятых взглядов». На самом деле эксперту постоянно приходится испытывать идеологическое давление. Это характерно не только для России, но и для развитых стран. В 2015 г. вышла книга известного экономиста Д. Родрика, где обсуждаются примерно те же вопросы, что и за нашим круглым столом. Он пишет: «Восхваление рынков в публичных дебатах сегодня стало почти профессиональным долгом, поэтому мнения экономистов, выражаемые на публике, могут радикально отличаться от мнений, выражаемых на семинарах... Академическая репутация нередко строится на демонстрации новых... провалов рынка. Но на публике тенденция состоит в том, чтобы сомкнуть ряды и поддержать свободные рынки и свободную торговлю... Те, кто хочет ограничить рынки, — организованные лоббисты, братки, ищущие ренту, и им подобные. А те, кто ратует за более свободные рынки, даже если они ошибаются, имеют добрые намерения и поэтому гораздо менее опасны» (Rodrik, 2015. P. 94; перевод мой. — В. П.). Это очень похоже на то, что происходит со многими экспертами в России. Получается своего рода идеологическая ловушка. Боязнь не найти понимания в своей референтной группе заставляет экономистов высказываться в духе доминирующей идеологии и тем самым ее закреплять.

Второй источник этого «плохого равновесия» состоит в том, что эксперт, зарабатывающий на экспертизе, испытывает давление со стороны заказчика. Этому феномену посвящена статья известного экономиста М. Палдама (Paldam, 2018). Мне потребовались определенные усилия, чтобы понять, что это памфлет и одновременно пародия: текст имеет все внешние признаки научной статьи и к тому же содержит указание, что он принят к публикации в авторитетном европейском журнале.

Ссылаясь на тезис о том, что экономика — это наука о рациональном поведении, Палдам предлагает модель «рационального экономиста», Экона. Экону нужно публиковаться, от этого зависят его зарплата и возможность получать гранты. Его статья содержит эконометрические расчеты, результаты которых он может подстраивать посредством data mining, выбирая контрольные переменные так, чтобы получать выводы, предпочтительные для него по тем или иным соображениям. Предположим, что он оценивает качество какого-то проекта, который выполнен правительством. На эту тему уже опубликован ряд работ с завышенными оценками. Если его результат будет сильно отличаться от опубликованных, то рецензенты, скорее всего, отвергнут статью или сильно задержат ее публикацию, так как они сами являются авторами ошибочных результатов и не захотят признать ошибки. Поэтому отличия должны быть небольшими, а значит, оценки — неточными.

Теперь предположим, что наш Экон работает экспертом у министра, который осуществлял оцениваемый проект. Тогда, будучи «рациональным агентом», он заинтересован в максимальном удовлетворении интересов работодателя и должен стремиться еще больше зависеть оценки. При этом, однако, у него есть ограничение: если он слишком сильно похвалит министра, его осудит академическое сообщество, и его квалификация будет поставлена под сомнение. Значит, Экон должен выбрать максимальную оценку, которая не возмутит его коллег. Легко понять, что она не зависит ни от расчетов, ни от мнения самого экономиста. Поэтому все «рационально мыслящие» эксперты дадут проекту одну и ту же оценку!

Статья издевательская еще и потому, что для обоснования приведенного вывода не требуется математическая модель, описание которой занимает большую часть текста, вполне достаточно приведенных выше рассуждений.

В завершение Палдам пишет: «Читатель может заглянуть внутрь себя и заключить, что его решения более сложны или менее рациональны, чем решения Экона. Однако теория не предназначена для описания какого-либо конкретного человека, она рассматривает репрезентативного экономиста». Каждый может считать себя лучше, чем «типичный» представитель экономической науки и экспертного сообщества, и при этом соглашаться с предлагаемой теорией, рассматривающей такого представителя как корыстолюбца.

Модель Палдама становится несколько более правдоподобной, если под министром понимать доминирующую идеологию. В этом случае «рациональность», то есть корыстность Экона, принимает более завуалированную форму. Модель описывает один из механизмов, обеспечивающих устойчивость этой идеологии¹.

Необходимо ослабить влияние доминирующей идеологии на научные разработки и экспертные оценки. Для России это очень серьезная проблема. Одной из важнейших причин спада 1990-х годов было следование идеологии так называемого Вашингтонского консенсуса, которая доминировала среди экспертов, хотя и не поддерживалась академическими исследователями высокого уровня. Ее убедительные опровержения к началу реформ отсутствовали. Но уже в середине 1990-х появились статьи в ведущих журналах, опровергавшие эту точку зрения. Тем не менее она продолжала доминировать достаточно долго. У нас она в трансформированном виде преобладает и сегодня (впрочем, в последнее время наметились определенные сдвиги). Речь идет не просто о рыночном фундаментализме по Стиглицу, а об институциональном рыночном фундаментализме — вере в возможность запуска и поддержания быстрого роста без адекватной промышленной политики, исключительно за счет улучшения инвестиционного климата, борьбы с коррупцией, укрепления прав собственности и т. п.

Как можно ослабить влияние доминирующей идеологии на экспертизу и способствовать обновлению этой идеологии в соответствии с результатами научных исследований? Я полагаю, что нам нужна система альтернативных экспертных центров, финансируемых на постоянной основе. Должны быть хотя бы две разные экспертные организации по каждой крупной теме, связанной с реформами институтов и экономической политики. Их финансирование должно включать значительную фиксированную компоненту, по возможности защищенную от произвола власти.

Необходима процедура открытых слушаний предлагаемых реформ и стратегий с обязательным указанием авторов. У нас черновые «экспертные» версии законов после путешествия по кабинетам власти нередко претерпевают столь радикальные изменения, что эксперты готовы отказаться от авторства. Необходимо участие экспертов-инициаторов в доработке заключительных версий принимаемых законов.

Надо сказать, что в 2017 г. Россия сделала важный шаг вперед. До сих пор разработку стратегии развития российской экономики поручали какой-то одной организации, а на этот раз были выбраны два экспертных центра — Центр стратегических разработок и Институт экономики роста имени Столыпина П. А. Мне довелось выступать с одним и тем же докладом на заседаниях обеих комиссий, где преобладали разные идеологии. Неясно, однако, насколько рекомендации этих двух центров повлияют на политику правительства.

¹ О причинах противостояния идеологии и науки и механизмах, обеспечивающих устойчивость доминирующей идеологии, см.: Полтерович, 2017.

Я полагаю, что роль теории и академического сообщества в обеспечении качественной экспертизы очень важна, потому что только с их помощью можно обнаружить, что чиновники занимаются поиском ренты, а не наилучшего для страны решения, и что некоторые эксперты следуют этим же путем. Надо осознать, что противостояние доминирующей идеологии и науки крайне негативно сказывается на качестве экспертных разработок. Следует стремиться организовать экспертизу так, чтобы минимизировать влияние идеологии.

А. П. Заостровцев. Я в основном сосредоточусь на одной проблеме — сближения двух дискурсов, рассмотренных в статье Л. М. Григорьева (2017). Он обозначил дискурс № 1 как высокую науку, результаты которой публикуются в журналах — лидерах глобальных рейтингов; она обсуждает важные теоретические или мировые проблемы. Дискурс № 2 представлен экономистами, возможно не только ими, которые исследуют проблемы российской трансформации. Они не входят в «высшую лигу». Поэтому была поставлена задача подтянуть второй дискурс до уровня первого. Задача, на мой взгляд, немного утопическая и, главное, не столь актуальная, если говорить о деле, а не о рейтингах и престиже.

Леонид Маркович заставил меня проделать небольшую исследовательскую работу. Я взял журнал «American Economic Review», выпуски за 2016–2017 гг. и вышедшие в 2018 г. Всего там 282 статьи. Из них только 23 статьи (8%) посвящены какой-либо проблеме в отдельной стране. Что характерно: их заголовки обычно имеют стандартное окончание: evidence from... США, естественно, я исключил.

А что же относительно России? Только открыл сайт с предчувствием отсутствия статей по российской тематике, как в текущем номере журнала вижу статью А. Маркевича и Е. Журавской из РЭШ (Markevich, Zhuravskaya, 2018). Чему же она посвящена? Экономическим последствиям отмены крепостного права. Конечно, это трансформация, но только очень давняя. И больше о России ничего нет. Ежегодно в январе проходит конференция Американской экономической ассоциации, и тезисы выступлений публикуются в журнале. В 2017 г. о России не было ничего, а в 2016 г. в рамках паниели было три доклада. В «Journal of Political Economy» (JPE) за тот же период о России вообще ничего нет. В принципе журналы-лидеры не очень склонны размещать статьи, посвященные проблемам конкретных стран (в JPE их 9%).

Заметим, что транзитология выпала как направление исследований. В свое время к коду JEL P20 «Socialist systems» добавили «and transitional economies». Однако в реальности экономики, казавшиеся в начале 1990-х годов более или менее однотипными, стали трансформироваться по-разному. И сегодня российская экономика на деле менее похожа на рыночную, чем 18 лет назад: достаточно сравнить долю госсобственности тогда и сейчас.

Однако даже не это главное. В статье У. Самюэlsa (опубликована в 1991 г., но сохраняет свою актуальность) доминирующее направление экономической мысли (мейнстрим) в лице неоклассической теории было охарактеризовано следующим образом: «Неоклассическая теория являет собой иерархическую дискурсивную позицию, вытекающую из представления западной цивилизации о самой себе» (Самюэлс, 2015. С. 20). Не будем, разумеется, отрицать, что исследование частных (скажем, влияния контрсанкций на предложение отечественной свинины), не касающееся принципиальных свойств российской экономики, нейтрально по отношению к используемым инструментам. Очевидно, что эконометрический анализ здесь незаменим. Но это прикладной аспект. Получить представление

о России как о меняющейся во времени, но довольно традиционной социальной системе можно из разных работ, только не из трудов представителей экономического мейнстрима.

В то же время в России разработана концепция власти-собственности, есть школа исторической социологии О. Шкаратана, институциональные модели российской экономики и социума. Их иногда называют матрицами, но, в сущности, это описания фундаментальных институтов и их взаимодействия, институциональных ядер. При этом заметим, что матрицы — это не некая заумь оторванных от мира ряда российских представителей социальных наук, как считают некоторые «мейнстримные» экономисты. Достаточно сослаться на работы шведского неортодоксального экономиста С. Хедлунда с его «матрицей Московии» (Hedlund, 2005; 2006; 2013). Не надо игнорировать и проведенный С. Кордонским анализ сословного характера российского общества (Кордонский, 2008).

Почему это перечисление важно для темы нашей дискуссии? Вспомним приведенные выше слова Самюэlsa. Даже если допустить, что мейнстримовские подходы и модели абсолютно верны, то с их помощью невозможно плодотворно исследовать общество, где вместо частной собственности доминирует власть-собственность, где вместо верховенства права принимаются произвольные решения под прикрытием вольно трактуемых законов и где сами субъекты рыночных сделок нередко обладают разным административным весом, что исключает их взаимодействие как равных деловых партнеров. Однако вряд ли «American Economic Review» опубликует статью об институциональных матрицах или власти-собственности.

Поэтому не надо ставить цель любой ценой попасть в топовые международные журналы. Можно публиковаться в журналах второго уровня, в частности бывших советологических журналах: «Europe-Asia Studies» (бывший «Soviet Studies»), «Post-Soviet Affairs» (бывший «Soviet Economy»). Это междисциплинарные журналы, где могут публиковаться статьи с совершенно разным наполнением, использующие подходы разных социальных наук. Более того, недавно «Journal of Economic Issues», специализирующийся на эволюционной экономике, сам начал дискуссии по концепции матриц С. Кирдиной (Klimina, 2016; Hayden, 2017; Kirdina-Chandler, 2017). Рано или поздно Запад заинтересуют истоки нестандартного поведения России на международной арене, и для их познания экономический мейнстрим со всеми его математическими построениями окажется абсолютно бесполезен.

Я разделяю непопулярную точку зрения о том, что Россия трансформируется не в правовое государство и рыночную экономику, а в «Московию 3.0», как я ее называю, или «служилое государство», как писал Хедлунд (Hedlund, 2013. Р. 187), со всей присущей ему модернизированной архаикой (российский «эффект колени», или институциональная ловушка). Из этого вытекают три возможные функции прикладных исследований.

Первая — быть искренним и давать советы, как лучше проводить очередную реинкарнацию матрицы «Московия». Такой степени откровенности поражает только Кордонский. Он, например, писал в одной из своих книг, что надо легализовать сословность и коррупцию, которую именует административной рентой (Кордонский, 2008. С. 90). Но на это вряд ли найдется заказчик. Дело в том, что заинтересованные группы, которые осуществляют (и уже практически осуществили) такую реинкарнацию, хорошо справляются и без подсказок со стороны.

Вторая, противоположная: давать рекомендации о том, как реформировать саму матрицу «Московия». В словах «реформировать», «реформы»,

если они употребляются без комментариев, уже заложено определенное содержание: статья в конечном счете Западом. Тут в очередной раз появляется на свет что-то типа «Стратегии-2020» в обновленном варианте. В этом случае авторы почему-то считают, что Левиафан хочет пожрать самого себя и надо ему в этом помочь, предложить, как перейти к верховенству права и уважению прав собственности. Но он много раз делом доказывал, что хочет, чтобы все было наоборот.

Ну и, наконец, третья функция — подсказывать там, где разрешено. В России экономическая политика делится на большую и малую. В большой уже все заранее определено, и никакие советники не требуются. В малой можно, например, отдать на откуп экспертам что-то спрогнозировать — темпы роста, инфляцию, бюджетные доходы или, как вариант, просчитать влияние чего-то на что-то, допустим, перехода к прогрессивному налогообложению на дифференциацию конечных доходов физлиц.

Для академической науки также имеются три возможные роли. Первая — «эмигрировать» в мейнстрим и математику. Ничего плохого в этом нет. А. Рубинштейн — известный израильский экономист — писал так: «Да, я действительно полагаю, что мы просто баснописцы. Но разве это не чудесно?» (Рубинштейн, 2008. С. 80). В целом безвредное занятие.

Второе. Стараться беспристрастно описывать действительность как она есть в терминах институциональной экономики, что будет понятно не только профессиональному сообществу, но и большей части интересующейся публики. Это линия Нестора-летописца: «Добру и злу внимаю равнодушно». Пока можно ей следовать, она, на мой взгляд, наиболее привлекательна. Но здесь, в отличие от первой, высоких рейтингов можно не ждать.

Третье. Закладывать основы так называемого реформаторства. Это ближе к экспертной функции. Требуется изрядный заряд социального оптимизма (или цинизма). Эту позицию я называю так: «Все будет хорошо, прекрасная маркиза». В принципе, об этом уже шла речь выше. Еще здесь требуется то, что Ф. Хайек называл «пагубной самонадеянностью»: вера в способность рассчитывать будущее. Видный представитель австрийской экономической школы М. Ротбард писал: «Если вы можете так точно все предсказать, то почему вы не делаете этого на фондовом рынке, где точный прогноз может буквально озолотить?» (Ротбард, 2003. С. 288).

Наконец, откуда вообще взялось утверждение о том, что академическая наука что-то должна прикладной? Идеология долга — это идеология государства: государство финансирует академическую науку и хочет получить полезные декорации, чтобы потом можно было сослаться на науку. «Функция экономиста как эксперта и советника предполагает, что он полностью принимает цели своего клиента» (Ротбард, 2003. С. 393). Экономист — совсем не тот хвост, который виляет собакой.

Е. Т. Гурвич. Я хотел бы обсудить серьезные проблемы, касающиеся и уровня академических исследований, и качества публикаций, и формирования сообщества экономистов. В 1992 г. появился совершенно новый объект — российская рыночная экономика, который начал жить своей жизнью. Первые несколько лет он представлял как бы живую лабораторию превращения плановой экономики в рыночную и поэтому вызывал повышенный интерес не только у отечественных, но и у зарубежных экспертов. Иностранцы исследователи говорили, что им чрезвычайно интересно наблюдать за происходящим, поскольку все, о чем они читали в учебниках, здесь можно было видеть в реальности, в полном масштабе. Но со временем рос-

сийская экономика стала одним из многих формирующихся и развивающихся рынков. Те, кто был вовлечен в начальный этап реформ в качестве экспертов или исследователей, внесли некоторый вклад в анализ, но двигаться дальше, естественно, предстояло уже отечественным экономистам.

На первом этапе свойства новой экономики по нескольким причинам были очень плохо изучены и осмыслены. С одной стороны, она только формировалась, ее свойства менялись на глазах, на ходу, связи были слабыми и неустойчивыми. С другой стороны, были очень ограничены возможности российских исследователей: на тот момент большинство экономистов имели советское образование, сводившееся к догматичному изучению марксистской теории, и опыт анализа планового народного хозяйства либо критики буржуазных теорий. В силу этого реформы во многом проводились или исходя из общих соображений, или с опорой на международный опыт, хотя, пожалуй, главный вывод из переходного процесса сегодня формулируется так: не существует универсальных рецептов, в каждом конкретном случае экономическая политика должна строиться с учетом специфики страны, ее индивидуальных свойств. После начала рыночных реформ прошло 26 лет — как изменилась ситуация с тех пор? Больше 10 лет формируя программу макроэкономической секции Апрельских конференций НИУ ВШЭ, я аккумулировал серьезный массив систематических наблюдений и могу уверенно сказать, что качество лучших исследований постоянно растет, как и число работ, отвечающих международным стандартам. Проблема в том, что качественных экономических исследований все равно крайне мало, намного меньше, чем необходимо.

Начнем с того, какой состав экономических исследований и публикаций я считаю оптимальным для России. Чем наши экономисты должны заниматься в первую очередь? Думаю, что вполне адекватной была бы такая структура (это, естественно, условные цифры, не может быть никакой объективной, точной оценки). Примерно 2–3% работ могли бы составлять фундаментальные исследования на международном уровне, то есть те, которые публикуют в наиболее престижных международных журналах. Намного больше (условно порядка 30%) нужно серьезных работ, изучающих базовые, фундаментальные свойства российской экономики. В оставшихся $\frac{2}{3}$ публикаций могут обсуждаться более частные проблемы отдельных секторов экономики и рассматриваться вопросы экономической политики, в обоих случаях исходя из выявленных и описанных свойств российской экономики. Фактически в структуре публикаций я вижу существенный перекос: существенно меньше внимания, чем требуется, уделяется исследованию базовых свойств российской экономики, но очень много работ третьей группы. Соответственно обоснованность содержащихся в них рекомендаций подрывается тем, что недостаточно изучены многие базовые свойства. Можем ли мы судить, сколько вообще работ у нас можно считать качественными? Содержательно речь идет о работах, где получены важные, серьезные, новые результаты на основе признанных процедур и стандартов (например, с использованием современных эконометрических методов анализа эмпирических данных). Попытаемся оценить, много ли у нас таких работ.

В Российском индексе научного цитирования (РИНЦ) зарегистрировано 1303 журнала по экономической тематике. В перечень журналов ВАК, где должны печататься исследования диссертантов, включено 235 журналов (один из 6). В ядро РИНЦ входят 36 журналов (один из 30). Наконец, в международные базы данных Scopus или Web of Science, прямо или в переводной версии, входят 14 российских журналов по экономике, то есть один из 100 журналов РИНЦ.

По моему мнению, в самом мягком определении качественными можно считать журналы, которые входят в перечень ВАК. Самое жесткое, наверное, самое справедливое определение — издания, которые входят в Scopus или Web of Science, а компромиссное — те, что входят в ядро РИНЦ. Получается, что от 82 до 99% журналов публикуют, по сути, имитационные исследования, причем это свидетельствует о сохранении в экономической науке и образовании в России обширного самовоспроизводящегося «архаичного сектора». Многие университеты не дают выпускникам актуальных экономических знаний. Эти выпускники затем начинают писать не отвечающие современным стандартам научные статьи, публиковать их в слабых журналах, защищать диссертации, учить студентов в тех же университетах и т. д. При этом на финансирование «архаичного сектора» экономической науки и образования в нашей стране тратят огромные ресурсы, в то время как журналы, которые входят в Scopus или Web of Science, часто вынуждены самостоятельно собирать деньги на издание.

Из-за такой ситуации у нас остаются огромные белые пятна на карте исследований. Например, важная тема для нашей страны: страдает ли российская экономика от «голландской болезни»? На этот счет есть серьезные количественные исследования, но почти все они зарубежные. Время от времени я включаю в сферу своей работы новые проблемные области, и каждый раз оказывается, что там белых пятен больше, чем разведанной территории. Например, несколько лет назад я занялся анализом макроэкономических свойств российского рынка труда. Оказалось, что у нас не было известно, выполняется ли закон Оукена, и если да, то каковы оцениваемые значения соответствующего коэффициента; не было оценок функции предложения труда; неизвестно было, связаны ли между собой динамика зарплаты в бюджетном и негосударственном секторах, каков характер связи между заработной платой и уровнем цен и т. д.

Что можно сделать для изменения ситуации? Как обычно, для этого требуется перераспределить материальные ресурсы и сформировать новые стимулы. Дело упирается, помимо прочего, в определение наиболее квалифицированных и авторитетных экономистов, которые должны распределять ресурсы. Проиллюстрирую это на конкретном примере. Недавно был создан Российский научный фонд для финансирования серьезных фундаментальных исследований (не только в экономике) с помощью прогрессивного механизма — выделения грантов. Но тут возникает проблема отбора заявок и их оценки. Без ее решения трудно двигаться дальше. У нас есть два основания для определения высших авторитетов: старая, традиционная иерархия ВАК, переходящая в РАН (кандидат наук, затем доктор, член-корреспондент и академик), и библиометрические показатели публикационной активности. Но система ВАК—РАН пришла к нам из советских времен. Многие диссертации были защищены в те времена и целиком ограничены марксистской идеологией, а из новых немало основываются на публикациях в многочисленных журналах, которые, как мы говорили, размещают не самые сильные работы. Иерархия, построенная на формальном применении библиометрических показателей, также вряд ли будет работать. Если посмотреть, скажем, на 20 авторов—лидеров по числу публикаций в РИНЦ, то окажется, что они имеют примерно от 500 до 900 статей, однако лично я знаю лишь одного из них. Соответственно сомневаюсь, что это надежное основание для составления списка наиболее авторитетных экономистов.

Необходимо прежде всего создать новые, более адекватные критерии оценки результатов деятельности исследователей. Я предлагаю взять за

основу библиометрические показатели, но усовершенствовать их — прежде всего отказаться от уравнительного подхода, учитывающего все входящие в РИНЦ издания. Целесообразно ввести иерархию по аналогии с квартилями в международных журналах. К высшей категории можно отнести журналы, входящие в Scopus или Web of Science, ко второй — журналы, включенные в ядро РИНЦ или в Russian Science Citation Index (RSCI). В третью категорию можно объединить журналы из списка ВАК, не попавшие в первые две. Наконец, остальные издания я предлагаю отнести к низшей категории, которая должна учитываться только в справочных целях. Тогда такие показатели, как число публикаций или индекс Хирша, должны рассчитываться на трех уровнях: по изданиям первой, второй и третьей групп. Поскольку публикации в изданиях четвертой группы не будут давать преимуществ авторам, они постепенно потеряют популярность и финансирование (которое, по возможности, должно передаваться более перспективным журналам). В то же время желательно, чтобы университеты, борющиеся за повышение своего места в международных рейтингах, стимулировали своих сотрудников публиковаться не только в топовых международных, но и в российских журналах, входящих в международные базы Scopus и Web of Science. Тем самым поддерживались бы важные и пока дефицитные квалифицированные исследования российской экономики.

Н. А. Волчкова. Как следует из нашей дискуссии, отношение к обсуждаемой проблеме у разных экспертов неоднозначное. Затронутые темы касаются моей работы в РЭШ и ЦЭФИР, поскольку именно с такой двойственностью стимулов и задач я сталкиваюсь, проводя, с одной стороны, академические исследования, а с другой — решая прикладные задачи для государства и бизнеса в ЦЭФИР.

Отмечу, что в своем выступлении Евсей Томович Гурвич при выделении трех типов исследований и задач не использовал слово «исследование» применительно к третьему типу — «обсуждение частных вопросов отдельных секторов экономики и вопросов экономической политики». Когда мне присылают статьи для рецензирования из российских журналов, я часто не могу их оценить и пишу редакторам ответ: «То, что вы мне прислали, с моей точки зрения, не является исследованием. Это публицистика, а я не могу оценить качество работы в этом жанре». Вот это раздвоение — публицистика или наука — очень часто присутствует, когда мы имеем дело с российскими работами. Уже много лет мы с Т. Г. Долгопятовой организуем секцию «Рынки и фирмы» в рамках Апрельской конференции Высшей школы экономики и все время сталкиваемся с этой проблемой. Первый скрининг работ мы делаем по критерию «публицистика или научные исследования», потому что в научном исследовании, как минимум, на первой странице должна быть сформулирована цель исследования. Если ее нет, то это работа скорее публицистическая, причем иногда очень сильная. Примером хорошей публицистической работы выступают статьи в журнале «The Economist». В нем публикуют отличные публицистические работы, в которых анализируют проблему какой-то страны, они ссылаются, бывает, на исследования, но сами их не проводят. Это очень важный критерий, и отношение к публикациям в хороших академических журналах как к исследовательским работам должно быть первичным.

С этой точки зрения я позволю себе не согласиться с высказанным здесь мнением. Андрей Павлович Заостровцев отметил, что в топовых журналах не обсуждаются проблемы России. Но в них обсуждаются не проблемы стран,

а фундаментальные факторы экономических систем, и страны используются только как экспериментальные площадки, где получены данные. Когда я пытаюсь опубликовать работу, основанную на российских данных, я в первую очередь должна доказать, что российская ситуация в отношении исследуемого вопроса не уникальная, а стандартная, использование российских данных хорошо потому, что эти процессы здесь варьируют очень значительно, что позволит мне в эмпирической работе оценить коэффициенты или параметры модели или явления, которое я изучаю, и ответить на соответствующий исследовательский вопрос.

Например, есть известная работа о том, как динамика обменного курса отражается в ценах предприятий, изучаются каналы экспорта и импорта. Это очень хорошая работа бывшего выпускника РЭШ, сейчас профессора Принстонского университета, построенная на бельгийских данных. Но, честно говоря, Бельгия — не лучший пример для изучения этой проблемы, поскольку 80% ее экспорта и импорта приходится на страны Европейского союза, внутри которого обменного курса не существует, то есть изучить его влияние на цены с использованием современных данных европейской страны на уровне фирм вы просто не можете. Можно изучать экономику США, но там внешняя торговля играет незначительную роль для внутреннего рынка. Хорошо изучать этот вопрос на данных по Латинской Америке или России, где вариация курса огромная, и можно учесть эти эффекты, которые при маленьких вариациях в статистике просто не видны.

Был приведен пример, что в «*American Economic Review*» за последние годы была опубликована только одна статья про Россию. Это работа Е. Журавской и А. Маркевича. Давайте посмотрим, почему эта статья была опубликована в топовом журнале? Во-первых, было сделано отличное исследование и написана хорошая работа; во-вторых, были использованы оригинальные данные о российском крепостном праве, но статья не о нем, не о России, а о том, как изменение системы стимулов работников в сельском хозяйстве повлияло на рост производительности в нем. Это актуальная проблема: какие стимулы могут повысить производительность в сельском хозяйстве? В этом и есть одна из заслуг авторов, что они нашли событие, которое можно использовать для доказательства причинно-следственной связи. Здесь требуются соответствующая методология эконометрических исследований, инструментальные переменные, сравнения контрольной группы и группы, на которую распространялось влияние, рандомизированный эксперимент. Все эмпирические работы в ведущих журналах имеют такие элементы.

Поэтому считать, что ведущие журналы не изучают проблемы какой-то страны, неверно. В них обсуждаются общие экономические проблемы. А почему мы так редко встречаем там работы по России, хотя примеров, когда можно использовать именно российскую фактуру, должно быть намного больше? Проблема в качестве данных. Дело в том, что мы не очень доверяем Росстату.

Например, ЦЭФИР проводил большое обследование фирм в 37 российских регионах, и первое, что мы должны были сделать, — протестировать базу данных фирм, чтобы гарантировать репрезентативность исследования. Мы построили случайную выборку из популяции фирм, которую, в свою очередь, взяли в Росстате. Прежде всего мы проверили качество их популяции, которую Росстат называет полной. Во многих регионах мы, несмотря на все усилия, не нашли от 20 до 50% фирм. Что такое популяция российских фирм, о которой рапортует Росстат? Мы не знаем. И таких проблем много.

Почему сложилась такая ситуация с качеством данных? За их сбор главным образом платит государство, причем довольно большие деньги. Оно будет это делать, только если видит в этом смысл. Если государство проводит обоснованную экономическую политику, опирающуюся на объективные научные критерии, и озабочено ее эффективностью, то оно будет за это платить, потому что получит отдачу. Если ему не нужна эффективная политика, а нужна лояльная, идеологически выверенная или еще какая-то, то оно не будет платить за высокое качество данных.

Другой аспект этой истории. Есть данные, которые государство собирает просто потому, что они нужны для работы системы социального обеспечения, налоговой системы и т. д., так называемые административные данные. Пенсионный фонд РФ имеет очень хорошие данные о занятости каждого человека в нашей стране, официальной занятости и официальном доходе, различных страховых событиях и т. д., но они недоступны для исследователей. Конечно, ни одна страна не открывает такие данные для всех, но во многих странах созданы условия, когда исследователи имеют к ним доступ. Тогда вы можете изучать много интересных вопросов и публиковать результаты в приличных журналах.

Доступность необходимых данных для проведения экономических исследований высокого уровня — важный элемент, связанный непосредственно с качеством государственного управления. Если оно хорошее, то государство будет заинтересовано в эффективной политике. В США делают это через Бюро экономического анализа. Так финансируются исследования и собираются, например, данные по экономике труда, которые нужны государству для принятия ежедневных и стратегических решений. Мы, к сожалению, живем в других реалиях: наше государство считает, что оно все знает или ему и знать не надо, у него есть другие инструменты достижения своих целей и т. д.

Практические исследования, если они хорошо сделаны, в том числе для государства, имеют шанс быть опубликованными в престижном журнале. Пример: Е. Журавская и Е. Яковлев провели исследование по заказу Министерства экономики РФ при содействии Всемирного банка, посвященное реформам в области деюрократизации в России с 2001 по 2007 г. Это были ежегодные опросы бизнеса, работающего в условиях значительно меняющегося регулирования, что позволило создать уникальную базу данных, на которой был изучен интересный вопрос: как федеральные реформы реализуются на местах? От чего зависят степень и скорость реализации там реформ, принимаемых в центре? Вопрос абсолютно релевантный для всех стран, которые проводят реформы. Впоследствии эта работа была опубликована в хорошем европейском журнале. Соответственно и у нас есть возможности совместить прикладные задачи и академические исследования.

Отметим, что государство в начале 2000-х годов поставило важные задачи по реформированию экономики, поскольку случился кризис 1998 г., был огромный дефицит бюджета, накоплен большой внешний долг — вот тогда государство понимало, что его политика влияет на собираемость бюджетных доходов и на саму возможность его существования. Когда нефть стоила 12 долл./барр., отдача от государственных реформ была колоссальной. В этих условиях и возник спрос на эффективную политику. Цена на нефть заметно повысилась к 2005 г., и все стимулы перестали работать. Независимо от того, делает чиновник что-то или нет, доходы государства растут в любом случае, и эффективная политика не пользуется спросом, соответственно нет спроса на качественные исследования и соответствующие реформы.

В завершение хочу поддержать позицию Евсея Томовича: мы должны расчистить пространство российских журналов, дав лучшим университетам возможность формировать стимулы для своих исследователей, в том числе в плане публикаций в ведущих российских журналах. При этом, конечно, смычка между российскими и международными журналами должна быть.

Л. М. Григорьев. Устная реакция ряда коллег на мою статью, опубликованную в журнале «Вопросы экономики» (Григорьев, 2017), была очень простой: «Ну да, мы все это знаем, но ты это хорошо написал и свел все вместе». Мне это очень лестно.

Первое. Это «символ веры». Мне кажется, все устали от бесконечных обсуждений, что надо публиковаться в ведущих зарубежных журналах. Все равно как в театре: играть для зрителя и собственного удовольствия или за паек. Работать, писать и публиковать надо что-то новое, интересное читателю и себе, решающее проблемы мировой науки или/и проблемы нашей страны. Последнее, кстати, не экономическая политика, а нормальная часть мировой науки, но для сообщества российских экономистов она главная.

Отсюда проблема двух дискурсов: часть наших талантливых ученых пишет для мировой науки, но в основном на материале, собранном вне нашей страны. Порадуемся за них, но на российском материале, который трактуется как «частный случай», в зарубежных журналах много статей не опубликуешь. Примеры есть, но 100–200 наших лучших ученых, занятых анализом российских проблем, не смогут обеспечить системное присутствие в ведущих международных журналах. Число таких статей, публикуемых в них за год, невелико и не может резко возрасти по ряду причин. В первом дискурсе изучают в основном стабильные институциональные системы, их изменения уже не фундаментальные, много статистики — можно демонстрировать владение техникой формального анализа. В нашем дискурсе до устойчивого институционального базиса экономики и общества еще далеко — мы будем вынуждены долго оставаться институционалистами. Наши проблемы не слишком интересны для этих журналов.

Второе. Если тебя некому читать, то какой смысл писать? Скажем, при публикации статей в области проблем трансформации в зарубежных журналах возникает серьезная дилемма. Зачем туда писать вообще? Я знаю по имени и, наверное, лично всех 50 специалистов по российской экономике за рубежом. Я могу им просто прислать статью, и обычно они знают русский. Надо ли вести долгую переписку с зарубежным журналом, чтобы мою работу прочитали эти 50 человек плюс сколько-то еще через год-два после ее завершения? Работа для того, чтобы нас цитировали аспиранты в мировых университетах, не вызывает большого энтузиазма. Они, кстати, учат русский.

Третье. Смысл публикации — донести до коллег полученный прирост знаний. Выбор между быстрой публикацией интересной статьи и уровнем журнала, при прочих равных условиях, надо решать в пользу первой. Хорошие статьи можно обсуждать, тогда будет меньше жалоб на отсутствие дискуссий. Кстати, в научной дискуссии цитирование учеными и учителями определяет развитие науки. Масса дежурных ссылок экспертов и администраторов, а также аспирантов в диссертациях в обязательных списках работ важна для распространения знаний и их применения, но не создает дискуссии. Выбор по времени крайне важен — Интернет доводит новые исследования до потенциального читателя намного быстрее. И можно верить здравому смыслу коллег: они найдут хорошую статью через конференции и сайты.

Великий экономист Р. Коуз опубликовал работу «Природа фирмы» в 1937 г. в «Economica», но его не поняли тогда, не все понимают и теперь. Он не виноват, что не было Интернета; хорошо, что сумел дожить до присуждения Нобелевской премии и подтолкнул развитие институционализма. Он не знал тогда, что для ее получения надо публиковаться в правильных журналах и что вообще учредят Нобелевскую премию по экономике.

Вашингтонский консенсус был написан для рыночной экономики стран Латинской Америки до того, как Коуз получил Нобелевскую премию. На том континенте масштабы разгосударствления были другие. Все реформы начала 1990-х готовили хорошие экономисты, но до того, как в университетах стали проходить теорему Коуза, до осознания роли трансакционных издержек, до вручения Нобелевских премий по институциональной теории. Ее начали изучать спустя годы после того, как Коуз получил Нобелевскую премию. Проблемы с нашей трансформацией возникли в том числе и потому, что мы не были знакомы с теоремой Коуза или кто-то трактовал ее неверно, что якобы главное — раздать активы, а там все оптимально перераспределится, как будто нет издержек, связанных с переходом активов в другие руки. Вывод простой: есть идея — публикуй.

Второй дискурс — проблемы российской экономики, и это наша ответственность. Все мои попытки побудить АНЦЭА разработать собственную программу экономических реформ в России окончились неудачей. Поэтому я живу по принципу: «Пока умный собирается, я попробую речку перейти». Мы с С. Н. Бобылевым и коллегами выпустили в Аналитическом центре при Правительстве РФ в 2016 г. пилотный доклад по целям устойчивого развития для России, он есть на сайте в коротком и полном вариантах. Кто-нибудь обсуждает устойчивое развитие России на стандартном языке, как в остальном мире? Мы дали все сравнения с адекватными странами, просто критикуй сколько хочешь. Но нет, люди заняты, им надо сдавать НИРы и публиковаться. Напомню, что если ты выигрываешь иной университетский НИР в феврале, то отчитываешься в ноябре, и за это время должен предъявить статью по этому направлению.

Мир, конечно, устал от тематики transition и фокусируется на очень узких участках российских социально-экономических проблем, но не игнорирует трансформацию в Китае или Бразилии. Я не вижу никаких оснований считать Россию исключительным случаем, не интересным для мировой науки. Мир очень разный, страны находятся на разных стадиях развития, и для ряда стран Африки может быть полезным изучение не только нашей реформы 1861 г. Россия и ее трансформация — достойный объект анализа, и мы должны его выполнять сами, раз большая наука «первого дискурса» этим не занимается.

Надо осторожно относиться к библиометрическим показателям, как и к журналам. Если ты хочешь, чтобы тебя читали в России экономисты за пределами узкого клуба, то ты должен публиковаться в «Вопросах экономики» и еще нескольких журналах или продвигать свои идеи через конференции и Интернет, пока тебя не «примут в клуб». Но в силу многочисленности нашего корпуса ученых и профессоров все они не смогут воспользоваться публикационными возможностями ведущих мировых и даже отечественных журналов для оценки качества их работ. Нужно повышать уровень журналов, дискуссии и подготовки кадров, но это нельзя сделать росчерком пера.

По поводу молодежи: все мои молодые ребята, которые сделали карьеру, кто публикуется (в том числе за рубежом), выживают, только если кто-то из старших обеспечит элементарное финансирование за преподавание, НИРы или

консалтинг. Фактически это означает двойную нагрузку на молодого ученого. Днем он должен писать какой-то мониторинг, а вечером заниматься наукой.

Отмечу один странный эффект смешения двух объектов (и дискурсов), который наблюдается у многих наших студентов как следствие структуры преподавания. Студенты-экономисты, и младшие и старшие, в результате нашего обучения полагают, что англосаксонские теоремы работают в России, несмотря на совершенно другие институты. В то же время, исходя из своего жизненного опыта, они подсознательно полагают, что все неформальные институты работают на Западе, как у нас. Другими словами, свой практический опыт они «переносят туда», а теоретический — «сюда», и это все не сочетается.

Группа отечественных авторов, работающих на мировую науку, почтенная, но небольшая. Она публикует на Западе несколько десятков статей в год. Это капля в мировом океане статей и не влияет сколько-нибудь существенно на ход мировой науки, авторы в основном рассыпаны по направлениям, их не слишком объединяет даже российское происхождение. Когда мы создавали АНЦЭА, то много раз обсуждали вопрос о том, чтобы наши авторы, которые публикуются за рубежом, позаботились сами или через АНЦЭА о переводе своих статей на русский язык для ознакомления основной массы отечественных экономистов. В принципе надо стремиться включить в единое академическое пространство представителей двух дискурсов. Но просто перескочить по приказу тут не удастся — нужны время и терпение. И не забудем, что финансовое и социальное положение профессоров «тут и там» сильно отличается. Мы знаем, почему наши ученые остаются на Западе: потому что они попадают в финансовую ловушку, у них нет здесь работы. Но поскольку там они сталкиваются с усилением ограничений, то лучшие возвращаются.

Еще я воспользуюсь случаем высказать свое мнение о теориях, согласно которым у нас в стране особая X-матрица и мы радикально отличаемся от всего на свете и обречены всегда двигаться по пути авторитарного государства и проч. На мой взгляд, это опровергается примерами из истории других стран, скажем Южной Кореи, которая сделала огромный рывок в образовании и развитии, вдруг стала «западной» страной, хотя, казалось бы, своя матрица существовала и там и никуда не исчезла. Все-таки наше будущее, безусловно, связано прежде всего с Европой и быстроменяющимся миром БРИКС, на это нужно ориентироваться.

У нас дискуссия не о том, публиковаться за рубежом или нет, а о том, что это сложный, трудоемкий, медленный процесс, и специфика мирового журнала не позволяет абсорбировать то, что здесь публикуется даже всего в 20 журналах. Поэтому мы решаем вопрос, кто обеспечивает развитие внутреннего дискурса. В Департаменте мировой экономики НИУ ВШЭ мы выдвинули лозунг: «Нет экономики, кроме мировой экономики», так что речь идет не о каком-то экзотическом пути, а о том, как выйти на магистральный путь развития с учетом всех наших нерешенных институциональных проблем.

В начале 1990-х годов среди реформаторов была популярна фраза, что речку надо перепрыгивать в один прыжок, а не в два. И я бы сказал, что тогда с большим энтузиазмом прыгнули, но не попали на тот берег, а приземлились где-то посередине, и надо оттуда выкарабкиваться, при этом по возможности без прыжков. Трансформация экономики России — интереснейшая проблематика, и мы должны ею заниматься, но через зарубежные журналы мы ее точно не пропустим. Поэтому нельзя ждать, пока ученый мир сформируется как единое целое. Вот когда у нас в стране возникнет нормальный институциональный бэкграунд в экономике и обществе, тогда исчезнут и различия между двумя дискурсами.

А. А. Яковлев. По итогам прошедшей дискуссии я хочу сделать несколько комментариев. Во-первых, очевидно, что не может быть «русской экономической науки», которая существовала бы отдельно от мировой. Интегрироваться в глобальное научное пространство необходимо, и важно, чтобы российские экономисты использовали современные методы исследований и могли говорить на одном профессиональном языке со своими зарубежными коллегами. В рамках АНЦЭА мы пытаемся искать решение данной проблемы. В кооперации с НИУ ВШЭ, Уральским федеральным университетом, РЭШ, ИМЭМО РАН и журналом «Эксперт» с 2009 г. АНЦЭА участвует в проекте «Национальная премия по прикладной экономике» (econprize.ru). Эта премия присуждается раз в два года за значимые научные работы, посвященные российской экономике и использующие российские данные. Причем публикации могут быть как в зарубежных, так и в российских журналах. Помимо работы-лауреата жюри премии (куда входят ведущие российские и зарубежные ученые-экономисты) обычно выделяет несколько работ, заслуживающих «почетного упоминания». В этом году премия была присуждена профессору Массачусетского университета в Амхерсте И. Гангули за цикл работ, посвященных анализу советской и российской науки. Основная работа этого цикла — статья «Saving Soviet science: The impact of grants when government R&D funding disappears», опубликованная в «American Economic Journal: Applied Economics». В ней рассматривается эффект грантов, выделявшихся в 1990-е годы фондом Сороса для поддержки российских ученых на фоне резкого снижения государственного финансирования естественных наук после распада СССР (Ganguli, 2017). Как видите, это весьма актуальная проблема, в том числе в сегодняшнем политическом контексте. В целом задача Национальной премии — стимулировать интерес серьезных ученых к исследованиям российской экономики. При этом мы традиционно способствуем публикациям в деловых СМИ с изложением основных идей работ-лауреатов, чтобы сделать их доступными для более широкой аудитории.

Но этого, конечно, недостаточно. Нужны стимулы для того, чтобы наши коллеги повышали свой уровень и стремились соответствовать международным стандартам. С этой точки зрения публикации в хороших международных журналах — просто индикатор соответствия этим стандартам, профессионального признания. В данной связи мой второй комментарий. Накопленный за последние годы опыт, в частности НИУ ВШЭ, показывает, что стимулировать публикации в хороших зарубежных журналах можно по-разному: с помощью персональных надбавок конкретным исследователям за публикации в журналах определенного уровня или поддержки проектов с активным участием сильных зарубежных коллег, заинтересованных в работе с российскими данными. На уровне РФ второй вариант уже 8 лет реализуется благодаря конкурсу мегагрантов, проводимому Минобрнауки (до его разделения), но в ВШЭ в дополнение к нему были сформированы собственные международные лаборатории — с гораздо меньшим объемом финансирования, но одновременно более гибкие по формату. Конкретно в нашем случае — это проекты Международного центра изучения и развития (МЦИИР)², которые с 2011 г. мы ведем вместе с Т. Фраем из Колумбийского университета и другими партнерами. По моему мнению, для продвижения результатов российских исследований в международные журналы такая коллективная работа с заинтересованными зарубежными коллегами гораздо эффективнее: в рамках подобной кооперации мы можем использовать наши

² <https://iims.hse.ru/csid/>

сравнительные преимущества, а также осваивать новые методические подходы и приобретать новые навыки.

Третий комментарий — о требованиях к уровню и качеству публикаций в самом профессиональном сообществе и, в частности, о дифференциации российских экономических журналов. В продолжение сказанного Евсеем Томовичем Гурвичем я хочу напомнить, что дискуссии об этом ведутся уже давно, и еще несколько лет назад в «Вопросах экономики» была опубликована отличная статья А. Муравьева (2013). На основе анализа ряда объективных критериев из примерно 300 журналов тогдашнего списка ВАК по экономике в ней были выделены журналы уровня *A* и *B* (как принято в международной практике) — и характерно, что список журналов по экономике, спустя несколько лет включенных в RSCI по итогам совместного проекта РИНЦ и Web of Science, почти полностью совпал со списком Муравьева.

Важно понимать, что подобные экспертные оценки не смогут повлиять на окружающую среду, если не возникнут институты, готовые применять их в своей практической деятельности. Очень важный момент здесь — предоставление большой группе ведущих вузов права создавать собственные диссертационные советы и присуждать собственные научные степени. На мой взгляд, это не даст быстрого эффекта, но очень значимо с точки зрения запуска институциональной конкуренции. Я общаюсь с коллегами с экономического факультета МГУ и вижу, что там и в ВШЭ применяют разные подходы. Как я понимаю, МГУ создал у себя мини-ВАК. На экономическом факультете ВШЭ другая система — с сильным акцентом на публикации в ведущих зарубежных журналах. Другие российские вузы, которые тоже получили это право, возможно, будут сильнее ориентироваться на журналы из ядра РИНЦ — в логике Евсея Томовича. Будут разные модели, конкурирующие друг с другом. Но очевидно, что ведущие университеты, получив право присуждать собственные научные степени и заботясь о своей репутации, не будут принимать во внимание статьи из 1000 журналов «четвертой категории», о которых говорил Евсей Томович, и скорее всего из нынешнего списка ВАК они возьмут только верхушку, соответствующую ядру РИНЦ. Тем самым, при всех различиях в конкретных моделях, ставка на репутацию университета при присуждении научных степеней будет формировать для академической аудитории сигналы о качестве журналов. Такой подход, безусловно, приведет к падению спроса на платные публикации в «мусорных» журналах, и многим региональным университетам и научным центрам придется реагировать на новые вызовы и определять, смогут ли они двигаться по этой траектории и повышать требования к авторам, вводить новые стандарты и улучшать качество своих журналов.

И последний комментарий — о том, что наряду с расчисткой от «завалов» нужны механизмы целевой поддержки сильных российских журналов. Это можно делать в разных формах. Один из примеров — журнал «Journal of Eurasian Studies», издаваемый с 2010 г. южнокорейским Hanyang University в кооперации с издательством Elsevier. Он имеет представительную международную редколлегию и добился достаточно высоких индексов цитирования (в том числе благодаря политике открытого доступа к публикуемым статьям, который обеспечивается Hanyang University). По этой модели движется «Russian Journal of Economics». Но помимо продвижения результатов российских исследований в англоязычном пространстве необходимо поддерживать сильные русскоязычные журналы — для развития отечественной экономической науки нужны регулярные научные коммуникации и обмен полученными результатами на русском языке. Каналом такой поддержки, на мой взгляд, могла бы стать система грантов для журналов, включенных в RSCI или в ядро РИНЦ.

Список литературы / References

- Григорьев Л. (2017). Два дискурса в российской экономической науке // Вопросы экономики. № 9. С. 135–157. [Grigoryev L. (2017). Two discourses in Russian economic science. *Voprosy Ekonomiki*, No. 9, pp. 135–157. (In Russian).]
- Кордонский С. Г. (2008). Сословная структура постсоветской России. М.: Институт Фонда «Общественное мнение». [Kordonsky S. G. (2008). *Stratum structure of post-Soviet Russia*. Moscow: Public Opinion Fund Institute. (In Russian).]
- Муравьев А. (2013). О научной значимости российских журналов по экономике и смежным дисциплинам // Вопросы экономики. № 4. С. 130–151. [Muraviev A. (2013). On scientific significance of Russian journals on economics and related disciplines. *Voprosy Ekonomiki*, No. 4, pp. 130–151. (In Russian).]
- Полтерович В. М. (2017). Разработка стратегий социально-экономического развития: наука vs. идеология // Журнал Новой экономической ассоциации. № 3 (35). С. 198–206. [Polterovich V. M. (2017). Designing the strategies for socio-economic development: Science vs. ideology. *Journal of the New Economic Association*, No. 3 (35), pp. 198–206. (In Russian).]
- Ротбард М. (2003). Власть и рынок. Государство и экономика. Челябинск: Социум. [Rothbard M. (2003). *Power and market: Government and the economy*. Chelyabinsk: Sotsium. (In Russian).]
- Рубинштейн А. (2008). Дилеммы экономиста-теоретика // Вопросы экономики. № 11. С. 62–80. [Rubinstein A. (2008). Dilemmas of an economic theorist. *Voprosy Ekonomiki*, No. 11, pp. 62–80. (In Russian).]
- Самюэлс У. Дж. (2015). «Истина» и «дискурс» в социальном конструировании экономической реальности: очерк об отношении знания к социально-экономической политике // Истоки: качественные сдвиги в экономической реальности и экономической науке. М.: Изд. дом ВШЭ. С. 13–36. [Samuels W. J. (2015). “Truth” and “discourse” in the social construction of economic reality: An essay on the relation of knowledge to socioeconomic policy. In: *Origins: Qualitative shifts in economic reality and economic science*. Moscow: HSE Publ., pp. 13–36. (In Russian).]
- Ganguli I. (2017). Saving Soviet science: The impact of grants when government R&D funding disappears. *American Economic Journal: Applied Economics*, Vol. 9, No. 2, pp. 165–201.
- Hayden F. G. (2017). An evaluation of institutional matrices. Theory which was designed to illustrate differences between Russian and Western political economies. *Journal of Economic Issues*, Vol. 51, No. 2, pp. 467–475.
- Hedlund S. (2005). *Russian path dependence*. London and New York: Routledge.
- Hedlund S. (2006). Vladimir the Great, Grand Prince of Muscovy: Resurrecting the Russian service state. *Euro-Asia Studies*, Vol. 58, No. 5, pp. 781–785.
- Hedlund S. (2013). *Invisible hands, Russian experience, and social science: Approaches to understanding systemic failure*. New York: Cambridge University Press.
- Kirdina-Chandler S. (2017). Institutional matrices theory, or X- and Y-theory: A response to F. Gregory Hayden. *Journal of Economic Issues*, Vol. 51, No. 2, pp. 476–485.
- Klimina A. (2016). The role of culture, historicity, and human agency in the evolution of the state: A case against cultural fatalism. *Journal of Economic Issues*, Vol. 50, No. 2, pp. 557–565.
- Markevich A., Zhuravskaya E. (2018). The economic effects of the abolition of serfdom: Evidence from the Russian Empire. *American Economic Review*, Vol. 108, No. 4–5, pp. 1074–1117.
- Paldam M. (2018). A model of the rational economist, as researcher and policy advisor. *European Journal of Political Economy*, [forthcoming], <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2018.03.005>.
- Rodrik D. (2015). *Economics rules. The rights and wrongs of the dismal science*. New York, London: W. W. Norton. <https://www.economicas.uba.ar/wp-content/uploads/2016/03/Economics-Rules-Dani-Rodrik.pdf>

**Incentives for academic and applied research and
the reproduction of the economic community
(Proceedings of the roundtable discussion at
the XIX April international academic conference on
economic and social development)**

Participants: *Victor M. Polterovich*¹, *Andrey P. Zaoztrovtssev*²,
*Evsey T. Gurvich*³, *Natalia A. Volchkova*⁴,
*Leonid M. Grigoryev*⁵, *Andrei A. Yakovlev*⁶

Participants affiliation: ¹Central Economics and Mathematics Institute, RAS; Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia); ²National Research University Higher School of Economics; Leontieff Center (St. Petersburg, Russia); ³Economic Expert Group; Financial Research Institute (Moscow, Russia); ⁴New Economic School; Centre for Economic and Financial Research (CEFIR; Moscow, Russia); ⁵National Research University Higher School of Economics; Analytical Center for the Government of RF (Moscow, Russia); ⁶National Research University Higher School of Economics; Association of Russian Economic Think Tanks (ARETT; Moscow, Russia).

The selection of the trajectories of professional development by economic researchers and economic analysts today is largely determined by formal criteria for assessing the results of their activity on the part of financing organizations. As has been shown in a number of works, such a formalized assessment may distort the incentives for studying the surrounding reality and adversely affect the formation of the professional community. In this connection, at the initiative of the Association of Russian Economic Think Tanks (ARETT), a roundtable discussion was held in the framework of the XIX April international academic conference of the National Research University Higher School of Economics (Moscow, April 10–13, 2018) where these and related issues were discussed. The discussion was moderated by ARETT president A. A. Yakovlev.

Keywords: economic science, economists, publication activity, scientific journal.

JEL: A11, A14.